

ЦЕНЗОВАЯ РЕФОРМА СОЛОНА И КРИЗИС В АТТИКЕ НА РУБЕЖЕ VII–VI вв. до н.э.

Работа является откликом на дискуссию о причинах и условиях цензовой реформы Солон и причинах кризиса в Аттике на рубеже VII–VI вв. до н.э. Отмечается, что этот кризис был в немалой степени вызван развитием морской торговли и превращением части аристократии «из воинов в торговцев». Цензовой реформой Солон стремился создавать стимулы для «обратного превращения» аристократии – из торговцев в земледельцев и воинов.

Ключевые слова: Солон, архаические Афины, морская торговля, Гесиод, аристократия, демос, *kakoi*, *agathoi*, цензовые классы, земледелие.

Обсудить данный вопрос нас побудила развернувшаяся в последнее время дискуссия между Х. Тумансом и И.Е. Суриковым относительно содержания реформ Солон¹. Предметом дискуссии стало разное понимание авторами сущности цензовой реформы. Напомним, что на рубеже VII–VI вв. до н.э. в Аттике разразился серьезный социально-экономический и политический кризис, следствием которого и стали реформы Солон, одной из которых было создание цензовых классов. «Вопрос о характере солоновского ценза, – как справедливо отмечает один из участников дискуссии, – имеет в высшей степени принципиальный характер, поскольку, по сути дела, он превращается в вопрос о смысле всех реформ Солон²».

Напомним, что Солон разделил граждан Афин на четыре имущественных класса, принадлежность к которым определялась размером выращенного урожая. «На основании оценки имущества, – отмечает Аристотель, – он ввел разделение на четыре класса, каковое разделение было уже и раньше – на пентакосиомедимнов, всадников, зевгитов и фетов <...> К пентакосиомедимнам должен был принадлежать всякий, кто со своей земли получает 500 мер в совокупности сухих и жидких продуктов; к всадникам – получающие 300 или, по утверждению некоторых, такие люди, которые могли содержать коня <...> К классу зевгитов должны были принадлежать те, которые получали 200 мер того и другого вместе, а остальные – к классу фетов...» (Arist. Ath. pol. 7. 3; здесь и далее пер. С.И. Радцига; ср.: Arist. Pol. 1274 a19–21).

А вот как содержание реформы излагается Плутархом: «Желая оставить все высшие должности за богатыми, как было и прежде, а к прочим должностям, в исполнении которых простой народ раньше не участвовал, допустить и его, Солон ввел оценку имущества граждан. Так, тех, кто производил в совокупности пятьсот мер продуктов, как сухих, так и жидких, он поставил первыми и назвал их “пентакосиомедимнами”; вторыми поставил тех, кто мог содержать лошадь или производить триста мер; этих называли “принадлежащими к всадникам”, “зевгитами” были названы люди третьего ценза, у которых было двести мер и тех и других продуктов вместе. Все остальные назывались “фетами”, им он не позволил исполнять никакой должности; они участвовали в управлении лишь тем, что

Гуцин Валерий Рафаилович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Пермского государственного педагогического университета.

¹ Вот лишь некоторые из их работ: Туманс 2002; 2007; Суриков 2004; 2009.

² Туманс 2007, 27.

могли присутствовать в народном собрании и быть судьями» (Plut. Sol. 18; здесь и далее пер. С.И. Соболевского).

Сказанное Аристотелем и Плутархом дополняет Поллукс. Каждый из названных классов, отмечает он, платил определенный налог в общественную казну: пентакосиомедимны – один талант, всадники – половину таланта, зевгиты – 10 мин, феты же были свободны от уплаты налога (Poll. VIII. 130–131)³.

Сразу бросается в глаза то, что введенный Солоном ценз имел натуральную форму, т.е. исчислялся не денежными единицами, а размером урожая. Это при том, что деньги – в той или иной их ипостаси – уже появились и могли достаточно широко использоваться. Исходя из этого можно допустить и то, что у кого-то денег было больше, а у кого-то меньше. Но Солон не захотел с этим считаться, устанавливая натуральный ценз. При таком исчислении получалось, что правами наделялись лишь собственники земли – те, кто собирал со своих участков хоть какой-то урожай.

На этом основании Х. Туманс считает Солон консерватором, целью реформ которого было сохранить власть в руках аристократии, не допустив к ней так называемых «новых людей» (своего рода *homines novi*)⁴. Этим автор и объясняет его цензовую реформу, лишившую купцов и торговцев возможности получить гражданство, поскольку ценз исчислялся не в деньгах, а в натуральном продукте. Правда, некоторые исследователи полагают, что уже вскоре после реформ Солон ценз стали рассчитывать в денежном эквиваленте, а не по размеру урожая⁵. Но надежной информацией об этом мы не располагаем.

Кроме того, Х. Туманс присоединяется к тем, кто связывает цензовую реформу Солон с военной организацией. «Деление общества на цензовые классы, – отмечает он, – имело еще одно важное значение: оно устанавливало четкую систему военной организации государства»⁶. На это, по его мнению, указывают сами названия классов, – например, «всадники» и «зевгиты». В качестве обоснования этой связи называется процесс перехода к фаланге, которая приходит на смену кавалерии, что оттесняет аристократию – всадничество – на второй план⁷.

Иначе понимает смысл цензовой реформы И.Е. Суриков. Он объясняет натуральный характер ценза если не совершенным отсутствием денег в архаической Аттике, то их незначительной ролью⁸. При этом он все же допускает, что во времена Солон натуральные продукты могли пересчитываться на деньги. И.Е. Суриков ссылается на упоминаемую Плутархом шестнадцатую таблицу законов Солон, в которой упоминаются цены на жертвенных животных: «Так, например, при оценке жертвоприношений Солон считает овцу и драхму равноценными с медимном хлеба. Победителю на Истмийских играх он назначил в награду сто драхм, а победителю на Олимпийских – пятьсот. Кто принесет волка, тому он назначил пять драхм, а кто волчонка, – тому одну; из этих сумм, по словам Деметрия Фалерского, первая есть цена волка, а вторая – овцы. Цены, установленные им на шестнадцатой таблице за отборных жертвенных животных, естественно, во много раз выше, чем за обыкновенных, но все-таки и они, по сравнению с теперешними, невелики. А борьба с волками – старинный обычай у афинян, потому что их страна более пригодна для скотоводства, чем для земледелия» (Plut. Sol. 23). Правда, монета, по замечанию Плутарха (Sol. 23,) была в то время большой редкостью⁹. Итак, если деньги все же существовали, то почему,

³ См. также Ste. Croix 2004, 28 f.; Wees 2006, 369–370.

⁴ Туманс 2007, 20. Традиционно предполагается, что благодаря введению имущественного ценза, отодвинувшего происхождение на второй план, «новые люди» не лишались, а наделялись гражданскими правами (e.g.: Ober 1989, 61; Rhodes 1993, 137).

⁵ См. об этом Lévêque 1964, 188. Х. Туманс полагает, что происходит это только при Клисфене (2002, 246, 378–379). К. Моссе сомневается в верности этой гипотезы (2004, 252).

⁶ Туманс 2002, 246; Whitehead 1981; Rhodes 1993, 138.

⁷ Туманс 2002, 175–176, 179.

⁸ Суриков 2004, 136, прим. 173.

⁹ Ср. Суриков 2009, 19; речь, полагает он, могла идти не о монетах, а о слитках серебра, выполнявших функцию денег (с. 20 сл.). Впрочем, Х. Туманс не склонен доверять этому сообщению Плутарха, полагая, что во времена Деметрия Фалерского, т.е. в IV в. до н.э., едва ли существовала достоверная информация о ценах солоновских времен (Туманс 2007, 21, прим. 16).

задается вопросом И.Е. Суриков, имущественный ценз имел натуральный характер? Он полагает, что так было удобнее: если деньги были лишь у части афинян, то натуральный продукт – у всех¹⁰.

Кроме того, И.Е. Суриков ставит под сомнение существование сколько-нибудь значимого слоя «новых людей», уже во времена Солона рвавшихся к власти¹¹. Не принимает он и тезис о развитости торговли в рассматриваемый период. В гомеровское время торговля – это скорее церемониальный дарообмен, нежели бизнес¹². Ростки рыночной экономики наблюдаются лишь в VIII в. до н.э., но затрагивают преимущественно аристократию¹³. Поэтому автор не усматривает в цензовой реформе стремления законодателя лишить нуворишей политических прав.

Таковы в самых общих чертах точки зрения обоих исследователей, касающиеся интересующего нас вопроса – цензовой реформы Солона. Мы не станем детально разбирать мнение каждого из них, а сразу же приступим к изложению собственной позиции. Начнем с того, с чем мы не можем согласиться. Во-первых, нам представляется, что введение натурального имущественного ценза – при всем его возможном удобстве – все же преследовало определенную цель. А во-вторых, поддерживая в этом И.Е. Сурикова, мы не думаем, что этой целью было лишение гражданства разбогатевших неаристократов. Хотя формально цензовая реформа ударяла и по ним, мы полагаем, что Солон имел в виду не этих людей.

Но прежде чем обсудить проблему цензовой реформы, отметим, что в литературе уже давно высказываются сомнения относительно того, что сообщает Аристотель в «Афинской политике». Прежде всего, бросается в глаза осторожность его высказываний. Аристотель как будто сомневается в сказанном и стремится привести доказательства того, что упомянутые им разряды действительно связаны с размером урожая. Это касается, в частности, всадников: «Впрочем, вернее, что этот класс характеризовался по количеству мер дохода, так же как класс пентакосиомедимнов» (Arist. Ath. pol. 7. 4). Но наибольшее недоумение вызывает то, что одна и та же мера упомянута для жидких (например, вино или оливковое масло) и сыпучих продуктов (пшеница, ячмень). Между тем, многими исследователями отмечается, что в древней Греции урожаи этих продуктов исчислялись по-разному¹⁴. Это наводит исследователей на мысль о том, что указанные Аристотелем нормы *размеров* урожая появились значительно позже. П. Родс даже делает вывод, что разделение на классы в зависимости от урожая возникло уже после реформ Солона¹⁵.

И все же, несмотря на определенное недоверие к приводимым Аристотелем цифрам, размер урожая, тесно связанный с величиной земельного участка, не мог не учитываться реформатором¹⁶. Если принять упомянутую выше точку зрения, останется не вполне ясным – что же было критерием разделения на классы. Наконец, как быть с пентакосиомедимнами, само наименование которых прямо указывает на связь с размером урожая¹⁷? На наш взгляд, связь классов с землевладением можно и нужно отнести ко времени Солона.

Итак, несмотря на некоторую путаницу в источниках, выскажем предположение, что цензовые классы все же могли быть связаны с размером урожая, в каких бы единицах он ни исчислялся. Но чем же это было вызвано? Чтобы ответить на этот вопрос, попытаемся

¹⁰ Суриков 2009, 25.

¹¹ Суриков 2009, 17–18.

¹² Суриков 2009, 30.

¹³ Суриков 2009.

¹⁴ Анализ и литература: Rhodes 1993, 140–141, Ste. Croix 2004, 34 f.

¹⁵ Rhodes 2006, 253.

¹⁶ При этом мы не настаиваем на слове «урожай», поскольку всаднический статус мог быть связан не только с высоким урожаем зерновых, но и с наличием пастбищ и т.п.

¹⁷ Правда, Дж. де Сент-Круа, поддерживаемый П. Родсом, полагает, что связь с размером урожая устанавливалась только для пентакосиомедимнов, тогда как для других разрядов она была не обязательна (Ste. Croix 2004, 51; см. также Rhodes 2006, 253). Однако это всего лишь гипотеза, пока не находящая подтверждения в источниках.

вкратце охарактеризовать ситуацию, сложившуюся в Аттике накануне реформ Солона. Начнем с разговора о духе стяжательства, стремлении к наживе и богатству, действительно проснувшихся в период архаики¹⁸. Наиболее красноречиво об этом говорит Солон в элегии «К самому себе»:

Ясных пределов нигде не положено людям в наживе.
Кто между нами сейчас разбогател больше всех,
Вдвое еще тот стремится...

(Sol. fr. 1. 71–73 Diehl; здесь и далее пер. С.И. Радцига)

И сам Солон хотел бы разбогатеть, правда, получив богатство честным путем:

Также стремлюсь я богатство иметь, но владеть им нечестно
Я не хочу: наконец Правда ведь все же придет.

(Sol. fr. 1. 7–8)

Что же пробудило в афинянах страсть к наживе? Мы полагаем, причина кроется в развитии торговли, особенно морской, в этот период¹⁹. Ее важнейшей составляющей, надо думать, была торговля зерном²⁰. Рост населения Греции и возникновение полисной системы, сопровождавшиеся процессом урбанизации, создавали благоприятную экономическую конъюнктуру²¹. А это в свою очередь пробудило страсть к получению прибыли (*kerdos*)²².

Еще совсем недавно в науке господствовали восходящие к М. Финли воззрения, согласно которым хозяйственная жизнь архаической Греции рисовалась как примитивно аграрная, а содержанием ее было обеспечение элементарных средств существования²³. Однако прогресс археологии позволил скорректировать эту точку зрения. Ныне все чаще говорят о высокой роли торговли именно в период архаики. При этом отмечают, что ее развитие оказывало трансформирующее воздействие на развитие общества²⁴.

Но кто же участвовал в торговых операциях? По мнению Х. Туманса, – «новые люди», неаристократы. Действительно, в торговые предприятия были вовлечены представители различных социальных групп. Ярким свидетельством тому могут служить часто приводимые строки из Гесиода и стихотворения Солона. Вот что говорит Гесиод в поэме «Труды и дни»:

Малое судно хвали, но товары грузи на большое:
Больше положишь товару – и выгоды больше получишь;
Только бы ветры сдержали дурные свои дуновенья!
Если же в плаванье вздумаешь ты безрассудно пуститься,
Чтоб от долгов отвертеться и голода злого избегнуть,
То покажу я тебе многошумного моря законы,
Хоть ни в делах корабельных, ни в плаванье я неискусен.

(Hes. Op. 643–648; здесь и далее пер. В.В. Вересаева)

¹⁸ Фролов 1988, 103 сл.; Туманс 2007, 24.

¹⁹ Reed 2003.

²⁰ Общая характеристика: Foxhall 2003, 76; Krotscheck 2006. И. Моррис допускает, что наиболее предприимчивые афиняне стали выращивать зерновые с целью их реализации на рынке (Morris 2002, 33). Однако скоро они столкнулись с такой проблемой, как нехватка рабочих рук, каковую вынуждены были восполнять порабощением соплеменников (Morris 2002, 35; contra: Harris 2002, 426, п. 36). Если это было так, то непонятно, почему кредиторы продавали порабощенных соплеменников за пределы Аттики (Sol. fr. 24. 8–9 Diehl), а не использовали их в качестве недостающей рабочей силы.

²¹ О росте населения как факторе развития торговли см. Tandy 1997, 18–19. Следует заметить, что речь при этом не идет о таком феномене, как аграрное перенаселение (Osborne 2007, 299). Э. Бисса связывает развитие торговли в период архаики с колонизационным движением (Bissa 2009, 156).

²² Общий анализ см. Morris 2002; на примере Гесиода: Perysinakis 1986, 116–117.

²³ См., например, Cartledge 1983.

²⁴ Redfield 1986, 31; Osborne 1996; Reed 2003, 62 f.

Приведенные строки свидетельствуют о том, что среди участников торговых предприятий были не только аристократы, но и рядовые общинники – земледельцы. Мало того, земледельцы, судя по словам Гесиода, могли даже иметь свой корабль:

После того как ужасная мощь Ориона погонит
С неба Плеяд и падут они в мглисто-туманное море,
С яростной силою дуть начинают различные ветры.
На море темном не вздумай держать корабля в это время –
Не забывай о совете моем и работай на суше.
Черный корабль из воды извлеки, обложи отовсюду
Камнем его, чтобы ветра выдерживал влажную силу;
Вытащи втулку, иначе сгниет он от Зевсовых ливней;
После того отнесешь к себе в дом корабельные снасти,
Да поладнее свернешь корабля мореходного крылья;
Прочно сработанный руль корабельный повесишь над дымом
И дожидайся, пока не настанет для плаванья время.
В море тогда свой корабль быстроходный спускай и такую
Кладью его нагружай, чтоб домой с барышом воротиться,
Как это делал отец наш с тобою, о Перс безрассудный,
В поисках добрых доходов на легких судах разъезжая.

(Hes. Op. 619–634)²⁵

А вот еще один отрывок из упоминавшей выше элегии Солона «К самому себе»:

Если иной небогат и томится от бедности тяжелой,
Все же мечтает всегда деньги большие иметь.
Ищут по-разному все: тот по рыбообильному морю
Плавает на кораблях, думая в дом привезти
Прибыль; он носится всюду, ветрами по свету гонимый,
И не жалеет ничуть собственной жизни нигде...

(Sol. fr. 1. 41–46 Diehl)

Далее Солон упоминает и другие способы избавления от бедности, среди которых земледелие и ремесло (Sol. fr. 1. 47–50 Diehl). При чтении этих строк не покидает ощущение, что морская торговля для Солона и Гесиода, а равно и для отца последнего, в свое время покинувшего малоазийскую Киму, была не столько средством обогащения, сколько способом избавиться от бедности²⁶. Что касается Солона, то он явно сочувствует согражданам, вынужденным заниматься морской торговлей. Он отмечает, сколь опасен для жизни этот способ обретения достатка²⁷. А Гесиод вообще называет морскую торговлю безрассудством (Op. 646). Он, в отличие от его отца, не имел опыта мореплавания:

В жизнь я свою никогда по широкому морю не плавал,
Раз лишь в Евбею один из Авлиды, где некогда зиму
Пережидали ахейцы, собирая в Элладе священной
Множество войск против славной прекрасными женами Трои.

(Hes. Op. 650–653)

Несмотря на это, проснувшаяся в людях жажда наживы могла заставить и простых земледельцев – тех, кто, по словам Солона, «небогат и томится от бедности тяжелой», – «пуститьсь во все тяжкие». Они готовы были рискнуть, поставив на карту все, чем владели. Некоторые, рассказывает Гесиод, готовы были отправиться в плаванье даже весной, когда погода еще не установилась:

Но в безрассудстве своем и на это пускаются люди:
Ныне богатство для смертных само душою их стало.

(Hes. Op. 684–685)²⁸

²⁵ См. также Фролов 1988, 103.

²⁶ Х. ван Веес, ссылаясь на Гесиода (Op. 618), полагает, что мотивом для обращения к торговле было скорее желание индивида, а не необходимость (Wees 2009, 457).

²⁷ Это же удерживало от занятия морской торговлей и Гесиода (Wees 2009, 457, п. 41).

²⁸ Об этом же см. Фролов 1988, 107.

Ради прибыли некоторые земледельцы отваживались на подобные безрассудства. Но каков же был результат? Судя по ситуации, сложившейся в Аттике накануне реформ Солона, немало участников торговых операций попросту разорялось. Не исключено, что значительный рост задолженности, отмечаемый древними авторами (Arist. Ath. pol. 2. 2; Plut. Sol. 13), можно объяснить и попытками земледельцев поучаствовать в торговых операциях. Если причина кризиса была не в перенаселении и истощении почв²⁹, то можно предположить, что земледельцы делали займы не только для того, чтобы свести концы с концами, но и для участия в торговых операциях. Впрочем, можно предположить и обратное – в морскую торговлю были вовлечены бедняки или люди, над которыми нависла угроза долговой кабалы. Торговля была их последним шансом. Однако результат в том и другом случаях был, как правило, неутешительным.

Итак, мы можем допустить, что неаристократия активно участвовала в морской торговле. Но результатом этого было скорее не обогащение, а разорение. Не исключено, впрочем, что на сотню разорившихся земледельцев приходилась пара разбогатевших. Но их общее число не могло быть значительным. Во всяком случае, судя даже по приведенным выше отрывкам, с трудом верится в то, что неаристократы могли составлять сколько-нибудь значимую долю морских торговцев, во всяком случае, успешную их часть. Финансовые и прочие возможности людей, подобных Гесиоду, едва ли были сопоставимы с возможностями аристократии. Она-то и составляла большую часть тех, кто участвовал в морской торговле³⁰. Как известно, занимался торговлей и сам Солон, принадлежавший к одной из знатнейших афинских семей. Правда, Плутарх (Sol. 2) считает, что «Солон странствовал скорее для приобретения большего опыта и познаний, чем ради обогащения».

Впрочем, Х. Туманс приходит к выводу о возрастании роли «новых людей», основываясь в том числе и на здравом смысле. Если существовали деньги, полагает он, то должны были существовать и те, у кого их было больше, – те, для кого их получение было смыслом всей их деятельности³¹. Но составляли ли эти люди сколько-нибудь значимую группу? В качестве ответа на этот вопрос чаще всего приводятся следующие строки Солона:

Много людей и худых (*kakoi*) богатеет, а добрые – бедны.
Но у худых ни за что не променяем своей
Доблести (*arete*) мы на богатство: она ведь при нас неизменно,
Деньги ж сегодня один, завтра захватит другой.

(Sol. fr. 4. 9–12 Diehl)

Упоминаемую здесь группу (*kakoi*) нередко наделяют социальными чертами и рассматривают как людей низкого социального статуса, – например, как богатых неаристократов или «новых людей»³². Солоновские стихи, полагает Х. Туманс, свидетельствуют о том, что положение знати в Афинах начинает оспариваться разбогатевшими неаристократами³³. Следовательно, перед нами те самые «новые люди», которых Солон не хотел наделять политическими правами.

Как же тогда понимать сказанное самим Солоном? Подводя итог своей реформаторской деятельности, он прямо говорит, что его законы равным образом касаются *kakoi* и *agathoi*:

²⁹ На сей счет все чаще высказываются сомнения (Foxhall 1997, 127; Harris 2002, 427; Osborne 2007, 299).

³⁰ О преимущественной роли аристократии в торговле см. Coldstream 1994, 53; Tandy 1997. Допускает участие аристократии в торговых операциях и Х. Туманс, называя эту ее часть «новой аристократией» (2007, 32).

³¹ Туманс 2007, 24.

³² Например: Ober 1989, 58–59; Rhodes 1993, 137; Mitchell 1997, 138, n. 22; 140–144; Туманс 2002, 214–215.

³³ Туманс 2002, 215.

...А этого достиг
Закона властью, силу с правом сочетав,
И так исполнил все я, как и обещал.
Законы я простому с знатным наравне
(θεσμοὺς δ' ὁμοίως τῷ κακῷ τε καὶ ἀγαθῷ),
Для каждого прямую правду указав,
Так написал.

(Sol. fr. 24. 15–20 Diehl)

Прежде всего, выскажем сомнение в том, что в *kakoi* следует видеть бедняков, которых Солон наделил равными с аристократами (*agathoi*) правами. Как раз наоборот – права у богатых и бедных были неравными. Но главное – приведенные выше строки: «много людей и худых (*kakoi*) богатеет, а добрые – бедны» (Sol. fr. 4. Diehl). С другой стороны, если в *kakoi* видеть «новых людей», получается, что Солон не стремился лишить их политических прав, как полагает Х. Туманс. Данные им законы адресованы равным образом *kakoi* и *agathoi*.

Говоря об этих терминах, прежде всего, следует отметить их неоднозначность³⁴. Первоначально они, по-видимому, не имели ярко выраженного социального контекста, обозначая физические и моральные свойства человека, например, воинскую доблесть и храбрость (или, соответственно отсутствие таковых)³⁵. Позднее *kakoi* и *agathoi* стали обозначать и определенные социальные группы, сохраняя при этом связь с различными моделями поведения³⁶.

Эти понятия часто использовал мегарский поэт Феогнид³⁷. С одной стороны, и для него «дурные» и «добрые» (*kakoi* и *agathoi*) – представители противостоящих друг другу социальных страт. Однако границы между ними начинают стираться. Те, кто когда-то укрывался козьями шкурами и обитал за городом (т.е. *kakoi*), сетует поэт, ныне стали «добрыми» (*agathoi*) (Theogn. 53–56, ср. 1109–1110). Сам Феогнид не до конца раскрывает причины такого превращения, оставляя возможность для различных интерпретаций. Не исключено, что одной из причин было обогащение «дурных». (Theogn. 833 sqq. 1)³⁸. Богатство, замечает он, способно превратить «дурного» (*kakos*) в «порядочного мужа» (*aner esthlos*) (Theogn. 1117–1118). В то же время сетования Феогнида могут объясняться не только экономическими, но и политическими причинами, – например, вспыхнувшей в Мегарах смутой³⁹. И в этом случае *kakoi* (кем бы они ни были в действительности) могли, или выказали стремление превратиться в *agathoi*.

Однако у этих понятий есть и другой – морально-этический аспект, который, по-видимому, даже больше волнует Феогнида⁴⁰. Поэта чрезвычайно беспокоит обратное превра-

³⁴ О многозначности понятий см. Sluiter 2008, 7.

³⁵ Donlan 1980, 32 (Гомер), 41 (Тиртей).

³⁶ Donlan 1980, 77 f.

³⁷ Имеется в виду поэтический сборник (*Theognidea*), в который могут входить тематически близкие стихи нескольких поэтов (например: Доватур 1989, 25 сл.; Lane Fox 2000, 35 f., о спорах «аналитиков» и «унитариев» см. Hubbard 2007, 193 f.). Впрочем, по частоте использования упомянутых выше понятий Феогнида обошел Гесиод, а безусловным лидером оказался драматург Софокл (Sluiter 2008, 7).

³⁸ Donlan 1980, 80 f., 83.

³⁹ Nagy 1985, 42–43. В последнее время все чаще высказываются сомнения в том, что поэзия Феогнида была откликом на установление тирании (или угрозу ее установления) в Мегарах (например, Hubbard 2007, 197). Высказываются предположения об усилившемся социальном противостоянии как между демосом и правящей верхушкой (Lane Fox 2000), так и внутри правящего слоя (Papakonstantinou 2004). Говорится даже о мафиозной форме организации элитного слоя (Wees 2000). Если *Theognidea* датировать началом VI в. до н.э. (Lane Fox 2000, 42 f.), есть основания связывать сложившуюся в Мегарах ситуацию с установлением «необузданной демократии», упоминаемой Плутархом (*Plut. Mor.* 304e; ср.: *Arist. Pol.* 1304 b35–40; о демократии в Мегарах см. Legon 1981, 105 f.).

⁴⁰ Morgan 2008, 32.

щение: из *agathoi* в *kakoi*⁴¹. «Ведь не все же дурные дурными из чрева вышли», – замечает он (Theogn. 305; здесь и далее пер. А.К. Гаврилова)⁴². Точнее сказать, одни родились «дурными», а другие ими стали (Theogn. 1109–1110). Путей, ведущих к такой (моральной) деградации, немало. Это – и стремление *agathoi* к наживе (*kerdos*), и общение с «дурными»⁴³. Особое неодобрение у Феогнида вызывают браки между *agathoi* и *kakoi* (Theogn. 183–192). Оказывается, «добрым» (*agathos*) человека делает не только происхождение, но и соответствующее данному понятию поведение⁴⁴. Хотя в конечном итоге все зависит от божества (*daimon*):

Никто из людей ни процветает, ни бедствует
И мимо божества ни хорош, ни дурен.

(Theogn. 165–166)

Столь же неоднозначна анализируемая терминология и у Солона. Она имеет в виду как социальные группы, так и модели поведения⁴⁵. Примером первого варианта словоупотребления можно, пожалуй, считать следующий солоновский отрывок:

Мне равно не по душе –
Силой править тирании, как и в пажитях родных
Дать худым и благородным долю равную иметь
(*κακοῖσιν ἐσθλοῦς ἰσομοίριαν ἔχειν*).

(Sol. fr. 23. 18–21 Diehl)

Речь здесь, очевидно, идет о ситуации в момент проведения солоновских реформ. От Плутарха мы узнаем о раздававшихся буквально со всех сторон призывах установления тирании и предела земель⁴⁶. Но Солон оставался непреклонен. Призывы к пределу земли (или к равному ее распределению) объясняются довольно просто. Достаточно вспомнить сказанное Аристотелем. «Вся же вообще земля, – говорит он в «Афинской политике», – была в руках немногих» (Arist. Ath. pol. 2. 2). Если это так, то в упоминаемых здесь *kakoi*, требовавших «равной доли», следует видеть обедневших земледельцев. Между тем, в приведенном ранее отрывке о *kakoi* говорится как о неправедно обогащающихся (Sol. fr. 4. 9 Diehl), претендующих на определенную общественную значимость:

Низкий душой человек (*deilos*) сам за доброго (*agathos*) мнит себя мужа...

(Sol. fr. 1. 39 Diehl)

⁴¹ Поэт сетует, что «добрых» (*agathoi*) становится меньше, ибо многие из них стали *kakoi* из-за стремления к наживе (*kerdos*) (Theogn. 833–836, Доватур 1989, 69). В этой связи достаточно упомянуть «вождей» (*hegemones*), – по-видимому, представителей аристократии, готовых превратиться в *kakoi* (Theogn. 41–42; см. также Nagy 1985, 44; Papakonstantinou 2004, 7; Morgan 2008, 31).

⁴² Анализ: Доватур 1989, 67.

⁴³ Donlan 1980, 83; Доватур 1989, 65. Жадность и стремление к наживе ассоциируются Феогнидом исключительно с *kakoi*, которые являются при высоких нравственных качествах лица, получившего этической категорией (Theogn. 42–52, 1147–1150).

⁴⁴ Доватур 1989, 67.

⁴⁵ Irwin 2006, 57; Stehle 2006, 101. По мнению Р. Осборна, в этих терминах, прежде всего, нашло отражение противостояние индивида и общества (2009, 206).

⁴⁶ «Обе стороны были одушевлены большими надеждами; руководители их предлагали Солону установить тиранию, убеждали его взяться за государственные дела с большой решительностью, когда власть будет у него в руках. Равным образом, многие не примыкавшие ни к одной из сторон граждане (у Плутарха буквально: πολλοὶ δὲ καὶ τῶν διὰ μέσου πολιτῶν, т.е. «и многие из средних граждан». – В.Г.), видя непреодолимую трудность проведения реформ на основе только здравого рассудка и закона, не возражали против вручения верховной власти одному лицу, отличающемуся честностью и рассудительностью... Особенно осуждали Солона друзья его за то, что он боится “единовластия” только из-за его названия, как будто оно при высоких нравственных качествах лица, получившего его, не могло в скором времени превратиться во власть басилевса, как будто не было раньше единовластия, когда в прежнее время эвбейцы выбрали тираном Тиннонда, а теперь митиленцы – Питтака» (Plut. Sol. 14; пер. С.И. Соболевского). А о земельных переделах (точнее, об отказе их производить) свидетельствует в данном отрывке сам Солон (Rhodes 1993, 174).

Очевидно, перед нами различные группы людей, однако обозначаемые одним и тем же термином. И если первых можно считать демосом, небогатыми земледельцами, то со вторыми далеко не все ясно.

Солоновские *kakoi* – подобно упоминавшимся Феогнидом – это еще и те, кто стремится обрести богатство любым, в том числе несправедливым путем, отказываясь ради него от доблести (*arete*) (Sol. fr. 4. 11–12 Diehl). Упоминание в этом контексте доблести (*arete*), входившей в традиционную для аристократии систему ценностей, вряд ли следует связывать с кем-либо, кроме аристократии. А в целом сказанное Солоном можно расценить как призыв отличать подлинные ценности от мнимых.

О движимых алчностью и несправедливо наживающихся людях, среди которых, безусловно, преобладают представители аристократии, говорится и в другом отрывке из элегии «Благозаконие»:

Но неразумьем своим сами граждане город великий
Ввергнуть в погибель хотят ради корысти одной.

И у народных вождей (*demou th' hegemonon*) преисполнены думы лукавства⁴⁷.

Горестей много их ждет ради надменности их.
Спеси (*hybrios*) своей ведь они подавлять не умеют и радость,
Данную ныне, венчать в тихом кругу за столом...
Только о деньгах мечты их, владеть, хоть нечестно, стремятся...
И богатеют они, злым предаваясь делам.

(Sol. fr. 3. 5–10 Diehl)

В данном случае в «народных вождях» следует, несомненно, видеть представителей аристократии⁴⁸. Правда, Х. Туманс сомневается в этом, замечая: «..У народа появились новые вожди из числа разбогатевших нуворишей»⁴⁹. Автор даже считает возможным говорить о двух группах «вождей» – официальных (аристократы) и «неформальных» – из числа нуворишей.

Однако с этим трудно согласиться. О том, что перед нами все же представители аристократии, свидетельствует и сама стилистика приведенного выше отрывка. Поэт предлагает решать возникающие проблемы за пиршественным столом, т.е. из соперников стать сотрапезниками – войти в одну условную гетерию. Очевидно, автор апеллирует к традиционным аристократическим образам и ценностям. Совместная трапеза, пир представляются поэтом как символы социального порядка, идеальный способ разрешения возникающих конфликтов и противоречий⁵⁰.

Здесь же Солон говорит о том, что «спесь» (*hybris*) «народных вождей», проявлявшаяся в соперничестве между ними, несет угрозу городу и его гражданам – рабство, которое пробуждает гражданскую смуту (Sol. fr. 3. 19–20 Diehl). В чем же тут дело? Ответ на этот вопрос мы находим в другом отрывке:

Вы же в груди у себя успокойте могучее сердце:
Много досталось вам благ, ими пресытились вы.
Знайτε же меру надменному духу: не то перестанем
Мы покоряться, и вам будет не по сердцу то.

(Sol. fr. 4. 4–8 Diehl)

⁴⁷ Нечто подобное, судя по словам Феогида, происходило и в Мегарах. Поэт, как уже говорилось ранее (см. выше, прим. 40), упрекает «вождей» (т.е. принадлежавших к *agathoi*), в том, что они уподобляются *kakoi*:

Граждане – те еще здравы умом, зато вожди
Готовы уж впасть во всяческое зло
(*hegemones de... es kakoteta pesein*).

(Theogn. 41–42)

⁴⁸ Ferrara 1954, 334–344; Donlan 1970, 338.

⁴⁹ Туманс 2002, 216.

⁵⁰ Дискуссию об этом см. Schmitt-Pantel 1990, 21.

Вряд ли приведенные выше строки могли быть адресованы тем «неформальным» вождям, о которых говорит Х. Туманс. Трудно представить себе подчиняющегося им Солона. Очевидно, перед нами представители аристократии – «народные вожди», люди, стоящие у власти.

В этом же отрывке говорится о тех, кто не намерен был мириться со своим бедственным положением. Другими словами, сложившаяся в Аттике ситуация была чревата, а быть может, уже сопровождалась серьезными социальными потрясениями. Есть смысл напомнить сказанное Аристотелем: «Ввиду того, что существовал такой государственный порядок и большинство народа было в порабощении у немногих, народ восстал против знатных» (Arist. Ath. pol. 5. 1). Плутарх, правда, говорит о том, что афиняне еще только планировали активные действия. «Огромное большинство, – и к тому же люди большой физической силы, собирались и уговаривали друг друга не оставаться равнодушными зрителями, а выбрать себе одного вожака (*hena prostaten*), надежного человека, и освободить должников, пропустивших срок уплаты, а землю переделить и совершенно изменить государственный строй» (Plut. Sol. 13; здесь и далее пер. С.И. Соболевского). Таким вожаком, или простом, кстати, и стал Солон⁵¹.

Как бы то ни было, мы можем говорить о возросшей активности народа, о чем свидетельствует и сам Солон. В одном из его стихотворений он так оценил свою деятельность в качестве лидера демоса:

...А если б кто другой, как я,
Стрекало взял – недобрый, алчный человек, –
Народа б не сдержал он...

(Sol. fr. 24. 20–22 Diehl)

А в следующем отрывке Солон уже дает совет «народным вождям» как избежать конфликтов:

Будет тогда лишь народ всего лучше идти за вождями,
Коль не живет без узды, не угнетен выше сил.
От пресыщенья родится надменность, коль средства большие
Людям приходят таким, меры не знает чей нрав.

(Sol. fr. 5. 7–10 Diehl)

И опять-таки меньше всего оснований видеть в упоминаемых Солоном «вождях» богатых неаристократов, т.е. «новых людей». Другими словами, упоминавшиеся ранее *kakoi* и порицаемые Солоном «народные вожди» – скорее всего не «новые люди», а представители знати.

В итоге вырисовывается следующая картина. С одной стороны, есть обедневшие земледельцы – те, кто «небогат и томится от бедности тяжкой» (Sol. fr. 1. 41 Diehl), а с другой – люди, пресытившиеся доставшимся богатством («много досталось вам благ, ими пресытились вы» – Sol. fr. 4. 5 Diehl). Алчность и погоня за наживой привели к обогащению части аристократии – тех, кого Солон называет главными виновниками сложившейся ситуации⁵². Рефреном в приведенных отрывках звучит мысль о корысти, которая несет в себе угрозу всему городу («погибель»). Поскольку аристократия не брезговала порабощением соплеменников, выступая в роли безжалостных кредиторов, другим следствием сложившейся ситуации стали конфликты между аристократией и демосом (Ath. pol. 5. 1–3)⁵³.

Если крупные состояния сколачивались благодаря торговле зерном, то для большинства афинян это создавало неразрешимые проблемы. Ничем и никем не ограничивавшийся вывоз зерновых должен был привести и, скорее всего, привел к дефициту и росту цен

⁵¹ См. об этом Goušchin 1999, 16.

⁵² Х. Туманс считает главными виновниками творимых несправедливостей «новых людей» (2002, 216).

⁵³ Э. Харрис высказывает сомнения в том, что разразившийся в Аттике кризис имел экономическую природу (2002, 427–429). Правда, его предположение о прямых захватах сограждан и продаже их в рабство не выглядит убедительным.

на зерно в Аттике. Последнее стало еще одной из причин роста задолженности. Именно по этой причине Солон, встав во главе государства, запретил вывоз зерновых. Причем этот закон был начертан, по словам Плутарха, на первой из его таблиц, что говорит о его значимости: «Из продуктов, производимых в стране, Солон разрешил продавать за границу только оливковое масло, а другие вывозить не позволил. Кто вывозил их, того по закону Солон архонт должен был подвергать проклятию, под угрозой в противном случае самому платить сто драхм в казну. Этот закон написан на первой таблице» (Plut. Sol. 24)⁵⁴.

Одной из причин задолженности, как мы говорили ранее, могло быть стремление земледельцев обогатиться, участвуя в морской торговле. Не следует, пожалуй, сбрасывать со счетов и упоминаемое в источниках обеднение демоса, вызывавшее стремление поправить свое положение с помощью займов. Причину прогрессирующего обеднения называет Аристотель: «Вся же вообще земля была в руках немногих» (Arist. Ath. pol. 2. 2).

А теперь следует поставить другой вопрос: что же произошло с аристократией? Как возникла подобная ситуация и какую роль в ее разрешении должна была сыграть ценовая реформа Солон? Отвечая на него, мы вновь должны обратить внимание на процессы, происходившие в хозяйственной сфере, а именно, на развитие торговли. Мы принимаем предположение Д. Тэнди о коммерциализации части элиты, с которым солидаризуется и И.Е. Суриков⁵⁵. Действительно, с развитием торговли происходило превращение какой-то части аристократии «из воинов в торговцев», по словам того же Д. Тэнди, т.е. размывание самого слоя знати и его традиционных ценностей. Вряд ли эти процессы затронули всю аристократию. Но количество тех, кого, по словам Х. Туманса, следует назвать «новой аристократией», было немалым. Или же, что тоже не исключено, эти процессы затронули политически влиятельный слой.

Возможно, это отчасти объясняет позорное для афинян прекращение войны с Мегарами за Саламин. Остановить военные действия мог только господствующий слой – аристократия. «Афиняне, утомленные долгой и тяжелой войной с мегарянами из-за Саламина, – рассказывает Плутарх, – запретили законом, под страхом смертной казни, вновь в письменной или устной форме предлагать гражданам продолжать борьбу за Саламин. Солон огорчало это позорное положение. Он видел, что многие молодые люди ждут только повода, чтобы начать войну, не решаясь сами начать ее из-за этого закона» (Sol. 8).

Афиняне болезненно переживали прекращение войны с Мегарами. С одной стороны, они хотели бы поправить свое бедственное положение за счет земель Саламина. Но, с другой, – и это было не менее чувствительно, – прекращение войны воспринималось как позор. Оно стало очередным проявлением ранее зафиксированного поэтом процесса эрозии традиционных аристократических ценностей. Лучше всего эту мысль выразил опять-таки Солон:

Лучше бы на Фолегандре родиться мне иль на Сикине,
А не в Афинах, иной родины сыном мне быть.
Скоро такая молва разойдется, пожалуй, по свету;
Скажут: из Аттики он, предали где Саламин.

(Sol. fr. 2. 3–6 Diehl)

И далее:

На Саламин поспешимте, сразимся за остров желанный,
Чтоб скорее с себя тяжкий позор этот снять.

(Sol. fr. 2. 7–8 Diehl)

⁵⁴ Ряд авторов считает это установление подлинной частью солоновского законодательства (Rhodes 2006, 250 f.; Gagarin 2006, 267; contra: Foxhall 2007, 17, n. 3). Появление этого закона было откликом на стремление недобросовестных торговцев повысить цены на зерно (Garnsey 1988, 74 f.; Bissa 2009, 178 f.).

⁵⁵ Tandy 1997; Суриков 2009, 31.

Цензовая реформа, к анализу которой мы сейчас обратимся, должна была каким-то образом исправить сложившуюся ситуацию. Но прежде чем поразмышлять об этом, выскажем несколько общих замечаний. До реформы Солона (да и после нее) социальные группы или разряды в большой мере могли быть связаны с военной сферой. Само появление разрядов (социальных групп), которые Солон превратил в имущественные группы, можно отнести к более раннему периоду. Об этом, кстати, говорит и Аристотель. Рассказывая о введении Солоном ценза, он замечает между прочим: «На основании оценки имущества он ввел разделение на четыре класса, каковое разделение было уже и раньше» (Arist. Ath. pol. 7. 3)⁵⁶.

Признается существование социальных разрядов до реформ Солона и многими современными исследователями⁵⁷. Например, всадничество, по мнению некоторых исследователей, возникает на рубеже VIII–VII вв. до н.э., вместе с конницей⁵⁸. Затем появляется фаланга и конница становится вспомогательным родом войска⁵⁹. Однако исторические факты заставляют сомневаться в подобной последовательности событий, поскольку существование кавалерии в архаических Афинах не зафиксировано⁶⁰. Как резонно полагает Х. Ван Веес, едва ли в греческой истории был такой исторический период, в течение которого доминирующей силой армий была кавалерия⁶¹. Другими словами, кавалеристами – в буквальном смысле этого слова – аристократы, скорее всего, не были. Конь (или упряжка коней) был лишь символом аристократического – рыцарского, если так можно сказать, статуса. Всадниками, возможно, назывались все те, кто имел возможность содержать коня (или коней), что и было отличительным признаком аристократии.

С появлением фаланги аристократия, оставаясь всадническим сословием, продолжала воевать в пешем строю. Традиционно считается, что фаланга оказала демократизирующее воздействие на аристократическое общество⁶². Возможно, так оно и было, поскольку фаланга объективно усиливала роль тех представителей демоса, которые были достаточно состоятельны, чтобы приобрести гоплитское вооружение. Но вряд ли фаланга могла снизить роль аристократии, которая и здесь нашла для себя место – в первых рядах сражающихся (*promachoi*). В этой связи есть смысл вспомнить гомеровскую «Илиаду», хотя существование фаланги в гомеровское время оспаривается⁶³. Стоит процитировать небезызвестное обращение Сарпедона к Главку:

Сын Гипплохов! За что перед всеми нас отличают
Местом почетным, и брашном, и полной на пиршествах чашей
В царстве ликийском и смотрят на нас как на жителей неба?
И за что мы владем на Ксанфе уделом великим,
Лучшей землей, виноград и пшеницу обильно плодящей?
*Нам, предводителям, между передних героев ликийских
Должно стоять и в сраженьи пылающем первым сражаться.*

(Hom. II. XII. 310–316; пер. Н.И. Гнедича; курсив наш. – В.Г.)

Первенствующая роль аристократов на поле брани, как нам представляется, могла сохраниться и с появлением фаланги. И тогда аристократия оставалась всадническим сословием, что ничуть не мешало ей воевать в пешем строю, т.е. быть *promachoi* – сражающимися впереди⁶⁴. Таким образом, появление фаланги могло способствовать возникновению,

⁵⁶ Правда, в «Политике» ничего не говорится о существовании данных классов до реформ Солона (Rhodes 1993, 137).

⁵⁷ Sealey 1960, 161–162; Rhodes 1993, 137–138. О классах см. Foxhall 1997, 113–136; Rosivach 2002, 36–47; Ste. Croix 2004, 48; Суриков 2004, 76.

⁵⁸ См. Фролов 1988, 109.

⁵⁹ Туманс 1997, 14.

⁶⁰ Подробнее: Bugh 1988, Ch. 1; см. также Rhodes 1993, 303–304; Wees 2002, 64.

⁶¹ Wees 1995, 169.

⁶² Туманс 2002, 164 сл.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Подтверждением тому может служить надпись с могилы погибшего в бою юноши Креза, по-видимому, принадлежащего к роду Алкмеонидов. В ней погибший молодой человек прямо назван *promachos* (Jeffery 1962, 144; Суриков 2000, 67).

как минимум, двух социальных групп (или классов) – всадников и гоплитов (будущих зевгитов). Те же, кто не входил ни в одну из этих групп, могли образовывать отдельный социальный слой – фетов.

Если сказанное нами верно, то, всадники, зевгиты и, возможно, феты действительно появились до реформ Солона⁶⁵. А если это так, то Солон придал этим группам официальный статус и добавил к уже существовавшим классам новый – пентакосиомедимнов⁶⁶. Даже по приблизительным оценкам принадлежащие к этому разряду должны были владеть значительными наделами земли – от 17 до 28 га⁶⁷. Это означало, что к нему могла принадлежать количественно незначительная группа афинян⁶⁸.

Появление этого разряда, на наш взгляд, имело вполне конкретную цель. Безусловно, выделение пентакосиомедимнов несколько девальвировало принцип родовитости, поскольку принадлежность к высшему классу, дававшая право занимать высшие государственные должности, зависела теперь не от происхождения, а от урожая и размера земельного участка (*Arist. Ath. pol.* 7. 3; ср. 8. 1)⁶⁹. Действительно, эта мера могла привести к обретению гражданских прав разбогатевшими неаристократами – преимущественно земледельцами. Однако сомнения вызывает то, что дарование гражданских прав этим людям было главной целью Солона хотя бы потому, что они не могли представлять количественно значимую группу. Поэтому следует обратить внимание на другой аспект данной меры. Создание нового разряда, на наш взгляд, преследовало иную цель, нежели нанесение удара по традиционной аристократии. В условиях кризиса, как мы выяснили ранее, аристократия проявила себя далеко не лучшим образом. Мало того, какая-то ее часть утрачивала связь с земледелием, занимаясь морской торговлей. Следствием этих перемен становилось пренебрежение традиционными аристократическими ценностями – превращение аристократии «из воинов в торговцев». Поэтому не удивительно, что Солон наделил всей полнотой политических прав лишь тех, для кого земледелие продолжало оставаться основным занятием. Еще точнее – тех, кто занимался им эффективно. А вот те представители знати, которые больше внимания уделяли торговле, могли и не оказаться среди пентакосиомедимнов.

Не следует забывать и о народе – представителях низших солоновских классов. На наш взгляд, цензовая реформа должна была и их заставить с большим усердием заниматься земледелием, забыв такое опасное занятие, как морская торговля.

Чего же, помимо того, добивался реформатор цензовой реформой? Если до Солона упомянутые выше группы были связаны с военной сферой, то в результате цензовой реформы эта связь должна была отойти на второй план, уступив место иным критериям⁷⁰. Прежде всего, следует отметить смещение акцентов с военной сферы в сферу земледельческую. Бросается в глаза также тот факт, что и для остальных разрядов Солон установил чрезвычайно высокий ценз, если, конечно, доверять приводимым древними авторами цифровым показателям⁷¹. Зевгиты, например, должны были владеть земельными участками размером

⁶⁵ См. также Суриков 2005, 97.

⁶⁶ О том, что пентакосиомедимны были добавлены к ранее существовавшим группам, говорят Р. Сили и П. Родс (Sealey 1960, 161–162; Rhodes 1993, 137–138). Об экономической подоплеке образования классов см. Foxhall 1997, 129 ff.

⁶⁷ Foxhall 1997, 130.

⁶⁸ Высказывается предположение, что пентакосиомедимнами стали называться наиболее богатые евпатриды (Rhodes 1993, 137).

⁶⁹ Rhodes 1993, 137; Badian 1971, 9, n. 23. Позднее это право получают и всадники (*Arist. Ath. pol.* 26. 2).

⁷⁰ Дискуссию о связи цензовой реформы с военной сферой см. Wees 2002; Gabrielsen 2002.

⁷¹ Это подчеркивает, в частности, Л. Фоксхолл (1997, 131). По мнению Р. Осборна, Солон стремился не к разделению ответственности между всеми жителями Аттики, а к распределению прав внутри элиты (Osborne 2009, 208). Свое объяснение дает Аристотель: «Впрочем, управление государством должно принадлежать исключительно людям, имеющим возможность приобрести оружие на собственный счет; что же касается имущественного ценза, то невозможно установить его количественное мерило, однако следует наладить дело так, чтобы этот ценз был возможно более высоким, но вместе с тем и таким, чтобы число людей, которые могут принимать участие в государственном

не менее 7 га⁷². Косвенно это может указывать на то, что никакого экономического кризиса в Аттике не было. Что же касается собственно объяснения столь высоких показателей, то, с одной стороны, им может служить высокая значимость зерновых. Зерно, вывоз которого из Аттики теперь запрещается, становится, если так можно выразиться, стратегическим сырьем. А с другой стороны, это означает, что большая часть граждан принадлежала к низшему социальному разряду – фетам.

В завершение еще раз отметим, что теперь обладание гражданскими правами начинает увязываться с обладанием землей. Но значит ли это, что в результате реформ прав гражданства могли лишиться те, кто не владел землей, – например, купцы и ремесленники? Х. Туманс, напомним, считает, что так оно и было. Таким способом, полагает он, Солон исключал из государственного управления «новых людей», богатство которых измерялось деньгами⁷³. Позволим себе не согласиться с высказанными суждениями. Вряд ли намерение Солона состояло в том, чтобы лишить неземледельческое население политических прав. Как тогда расценивать тот факт, что Солон охотно предоставлял права гражданства проживавшим в Афинах ремесленникам? От Плутарха мы узнаем о существовании закона о «вновь пожалованных гражданах». Солон предоставлял права афинского гражданства тем, кто навсегда изгонялся из родных городов, и тем, кто переселялся в Афины с целью занятия ремеслом (Plut. Sol. 24)⁷⁴. Хотя названный закон можно считать исключительной мерой, его принятие позволяет усомниться в том, что Солон ставил перед собой цель лишить гражданских и политических прав неземледельческое население Афин и Аттики. Можно предположить, что гражданских прав лишались не те, кто не занимался земледельческим трудом, а те, кто не имел права владеть землей в Аттике.

Интересную мысль высказал в одной из своих работ Р. Осборн. Сравнивая то, о чем писали Гесиод и Солон, он заметил: «Мир Гесиода – это мир, в котором земля и ее продуктивная обработка были важнейшими условиями личной независимости; мир Солона – это мир, в котором земля и ее продуктивная обработка были важнейшими условиями политического статуса»⁷⁵.

Литература

Доватур А.И. 1989: Феогнид и его время. Л.

Суриков И.Е. 2000: Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М.

Суриков И.Е. 2004: Проблемы раннего афинского законодательства. М.

Суриков И.Е. 2005: Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М.

Суриков И.Е. 2009: Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемические заметки). Часть II // Из истории античного общества. Нижний Новгород. Вып. 12, 5–37.

Туманс Х. 1997: Военная организация греков в архаическую эпоху (Афины VIII–VI вв. до н.э.) // Античное общество. Проблемы политической истории. СПб., 6–19.

управлении, все-таки превышало число тех, кто лишен этого права. Дело в том, что бедные, хотя бы они и были лишены почетных прав, все-таки остаются спокойными, если никто их не оскорбляет и не отнимает у них того, что им принадлежит» (Arist. Pol. 1297 b1–8; пер. С.А. Жебелева). Возможно, и установленный Солоном ценз так или иначе увязывался с возможностью приобретения гоплитского вооружения (Wees 2006, 372 f.). Правда, Х. ван Веес отмечает, что имущественный ценз – и, в частности, зевгитский – значительно превышал стоимость паноплии (2002, 62 f.).

⁷² Foxhall 1997, 130; Osborne 2009, 208. Для некоторых исследователей столь высоко поднятая «планка» даже служит основанием не доверять приводимым Аристотелем и Плутархом цифрам. Для того чтобы принять их, следует предположить, что в Аттике произошла аграрная революция (Skysgaard 1988, 53). В противном случае земли в Аттике не хватило бы даже для зевгитов (Wees 2002, 67 f.).

⁷³ Туманс 2002, 242.

⁷⁴ Кстати, это один из немногих законов, в подлинность которого верит даже такой скептик, как К. Моссе (2004, 249).

⁷⁵ Osborne 2007, 299.

- Туманс Х. 2002: Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла. СПб.
- Туманс Х. 2007: Еще раз об аристократизме и «буржуазности» Солона // ВДИ. 2, 19–39.
- Фролов Э.Д. 1988: Рождение греческого полиса. Л.
- Badian E. 1971: Archons and *Strategoi* // *Antichthon*. 5, 1–34.
- Bissa E.M.A. 2009: Governmental Intervention in Foreign Trade in Archaic and Classical Greece. Leiden–Boston.
- Bugh G.R. 1988: The Horsemen of Athens. Princeton.
- Cartledge P. 1983: Trade and Politics. Revisited Archaic Greece // *Trade in Ancient Economy* / P. Garnsey, K. Hopkins, C.R. Whittaker (eds.). L., 1–15.
- Coldstream J.N. 1994: Prospectors and Pioneers: Pithekoussai, Kyme, and Central Italy // *The Archaeology of Greek Colonisation* / G.R. Tsetschladze, F. De Angelis (eds.). Oxf., 47–59.
- Donlan W. 1970: Changes and Shifts in the Meaning of Demos in the Literature of the Archaic Period // *La Parola del Passato*. 135, 381–395.
- Donlan W. 1980: The Aristocratic Ideal in Ancient Greece. Attitudes of Superiority from Homer to the End of the Fifth Century B.C. Lawrence. Kansas.
- Ferrara G. 1954: Solone ed i capi del popolo // *La Parola del passato*. 37, 334–344.
- Foxhall L. 1997: A View from the Top: Evaluating the Solonian Property Classes // *The Development of the Polis in Archaic Greece* / L.G. Mitchell, P.J. Rhodes (eds.). L., 113–136.
- Foxhall L. 2003: Cultures, Landscapes, and Identities in the Mediterranean World // *Mediterranean Historical Review*. 18. 2, 75–92.
- Foxhall L. 2007: Olive Cultivation in Ancient Greece: Seeking the Ancient Economy. Oxf.
- Gabrielsen V. 2002: Impact of Armed Force in Government and Politics in Archaic and Classical Greek Poleis: A Response to Hans van Wees // *Army and Power in the Ancient World* / A. Chaniotis, P. Ducrey (eds.). Stuttgart, 83–98.
- Gagarin M. 2006: Legal Procedure in Solon's Laws // *Solon of Athens. New Historical and Philological Approaches* / J. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.). Leiden, 261–275.
- Garnsey P. 1988: Famine and Food Supply in the Greco-Roman World. Responses to Risk and Crisis. Cambr.
- Goušchin V. 1999: Pisistratus' Leadership in A.P. 13. 4 and the Establishment of the Tyranny of 561/60 B.C. // *CQ* 49. 1, 14–23.
- Harris E.M. 2002: Did Solon Abolish Debt-bondage? // *CQ* 52. 2, 415–430.
- Hubbard T. 2007: Theognis' *Sphregis*: Aristocratic Speech and the Paradoxes of Writing // *Politics of Orality* / C. Cooper (ed.). Leiden–Boston.
- Irwin E. 2006: The Transgressive Elegy of Solon? // *Solon of Athens. New Historical and Philological Approaches* / J. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.). Leiden, 36–78.
- Jeffery L.H. 1962: The Inscribed Gravestones of Archaic Athens // *Annual of the British School of Athens*. 57, 115–153.
- Krotscheck U. 2006: Going with the Grain: Athenian State-Formation and the Question of Subsistence in the 5th and 4th Centuries BCE // *Princeton/Stanford Working Papers in Classics*. Stanford, 2006 (www.princeton.edu/~pswpc/). 1–9.
- Lane Fox R. 2000: Theognis: an Alternative Democracy // *Alternatives to Athens. Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece* / R. Brock, S. Hodkinson (eds.). Oxf., 35–51.
- Legon R.P. 1981: Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 B.C. Ithaca.
- Lévêque P. 1964: L'Aventure grecque. P.
- Mitchell L.G. 1997: New Wine in Old Wineskins: Solon, *Arête* and *Agathos* // *The development of the Polis in Archaic Greece* / L.G. Mitchell, P.J. Rhodes (eds.). L., 137–147.
- Morgan K. 2008: Generic Ethics and the Problem of Badness in Pindar // *Kakos. Badness and Anti-value in Classical Antiquity* / I. Sluiter, R.M. Rosen (eds.). Leiden, 29–58.
- Morris I. 2002: Hard Surfaces // *Money, Labour and Land. Approaches to the economies of ancient Greece* / P. Cartledge, E.E. Cohen, L. Foxhall (eds.). L.–N.Y., 8–43.
- Mossé C. 2004: How a Political Myth Takes Shape: Solon, 'Founding Father' of Athenian Democracy // *Athenian Democracy* / P.J. Rhodes (ed.). Edinburgh, 242–259.
- Nagy G. 1985: Theognis and Megara: A Poet's Vision of his City // *Theognis of Megara*. T. Figueira, G. Nagy (eds.). Baltimore, 22–81.
- Ober J. 1989: Mass and Elite in Democratic Athens. Princeton.
- Osborne R. 1996: Pots, Trade and the Archaic Greek Economy // *Antiquity*. 70 (267), 31–44.
- Osborne R. 2007: Archaic Greece // *The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World* / W. Scheidel, I. Morris, R. Saller (eds.). Cambr., 277–301.
- Osborne R. 2009: Greece in the Making, 1200 – 479 BC. 2nd ed. L.–N.Y.

- Papakonstantinou Z. 2004: Justice of the «Kakoi»: Law and Social Crisis in Theognis // Dike. 7, 5–17.
- Perysinakis I. 1986: Hesiod's Treatment of Wealth // *Metis*. I. 1, 97–119.
- Redfield D. 1986: The Development of Market in Archaic Greece // *Market in History* / B.L. Anderson, A.J.H. Lahman (eds.). L., 29–57.
- Reed R.M. 2003: Maritime Traders in the Ancient Greek World. Cambr.
- Rhodes P.J. 1993: A Commentary on the Aristotelian *Athenaion Politeia*. Oxf.
- Rhodes P.J. 2006: The Reforms and Laws of Solon: an Optimistic View // *Solon of Athens. New Historical and Philological Approaches* / J. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.). Leiden, 248–260.
- Rosivach V.J. 2002: The Requirements for Solonic Classes in Aristotle, A.P. 7.4 // *Hermes*. 130, 36–47.
- Schmitt-Pantel P. 1990: Sacrificial Meal and *Symposion* : Two Models of Civic Institutions in the Archaic City? // *Sympotica. A Symposium on the Symposion* / O. Murray (ed.). Oxf., 14–33.
- Sealey R. 1960: Regionalism in Archaic Athens // *Historia*. 9. 2, 155–180.
- Skydsgaard J.E. 1988: Solon's Tele and Agrarian History. A Note // *Studies in Ancient History and Numismatics Presented to R. Thomsen* / A. Damsgaard-Madsen, E. Christiansen, E. Hallager (eds.) Aarhus, 50–54.
- Sluiter I. 2008: General Introduction // *Kakos. Badness and Anti-value in Classical Antiquity* / I. Sluiter, R.M. Rosen (eds.). Leiden, 1–28.
- Ste. Croix G.E.M. de. 2004: Athenian Democratic Origins and Other Essays. Oxf.
- Stehle E. 2006: Solon's Self-Reflexive Political Persona and its Audience // *Solon of Athens. New Historical and Philological Approaches* / J. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.). Leiden, 79–113.
- Tandy D.W. 1997: Warriors into Traders. The Power of the Market in Early Greece. Berkeley.
- Wees H. van. 1995: Politics and Battlefield: Ideology in Greek Warfare // *The Greek World* / A. Powell (ed.). L., 153–178.
- Wees H. van. 2000: Megara's Mafiosi. Timocracy and Violence in Theognis // *Alternatives to Athens. Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece* / R. Brock, S. Hodkinson (eds.). Oxf., 52–67.
- Wees H. van. 2002: Tyrants, Oligarchs, and Citizen Militias // *Army and Power in the Ancient World* / A. Chaniotis, P. Ducrey (eds.). Stuttgart, 61–82.
- Wees H. van. 2006: Mass and Elite in Solon's Athens: the Property Classes Revisited // *Solon of Athens. New Historical and Philological Approaches* / J. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.). Leiden, 351–389.
- Wees H. van. 2009: The Economy // *A Companion to Archaic Greece* / K. Raaflaub, H. van Wees (eds.). L., 444–467.
- Whitehead D. 1981: The Archaic Athenian ZEYITAI // *CQ*. 75, 282–286.

SOLON'S CENSUS REFORM AND THE CRISIS IN ATTICA IN THE LATE 7th AND EARLY 6th CENTURY BC

V.R. Gushchin

This paper contains some comments on the problem discussed by H. Tumans and I.E. Surikov. It examines the reasons and some features of Solon's census reform, which was closely connected with the social and economic situation in Attica. At that time, according to H. Tumans, there appeared in Athens and Attica many rich non-aristocrats (*homines novi*), who managed to enrich themselves by trade operations. The reformer, presumably, wanted to deprive them of the citizen rights, when he established not money, but natural census. This way Solon wanted to retain the political power in the hands of traditional land aristocracy.

The author thinks that the crisis was not provoked by *homines novi*, who cannot have been numerous. The aristocrats took more active part in maritime trade. As a result they were converted (as D.W. Tandy wrote) from warriors into traders. It was supposedly they who were sharply criticized in Solon's poem. If so, his census reform must provide a stimulus to 'reconversions' of the aristocracy into land owners and warriors.